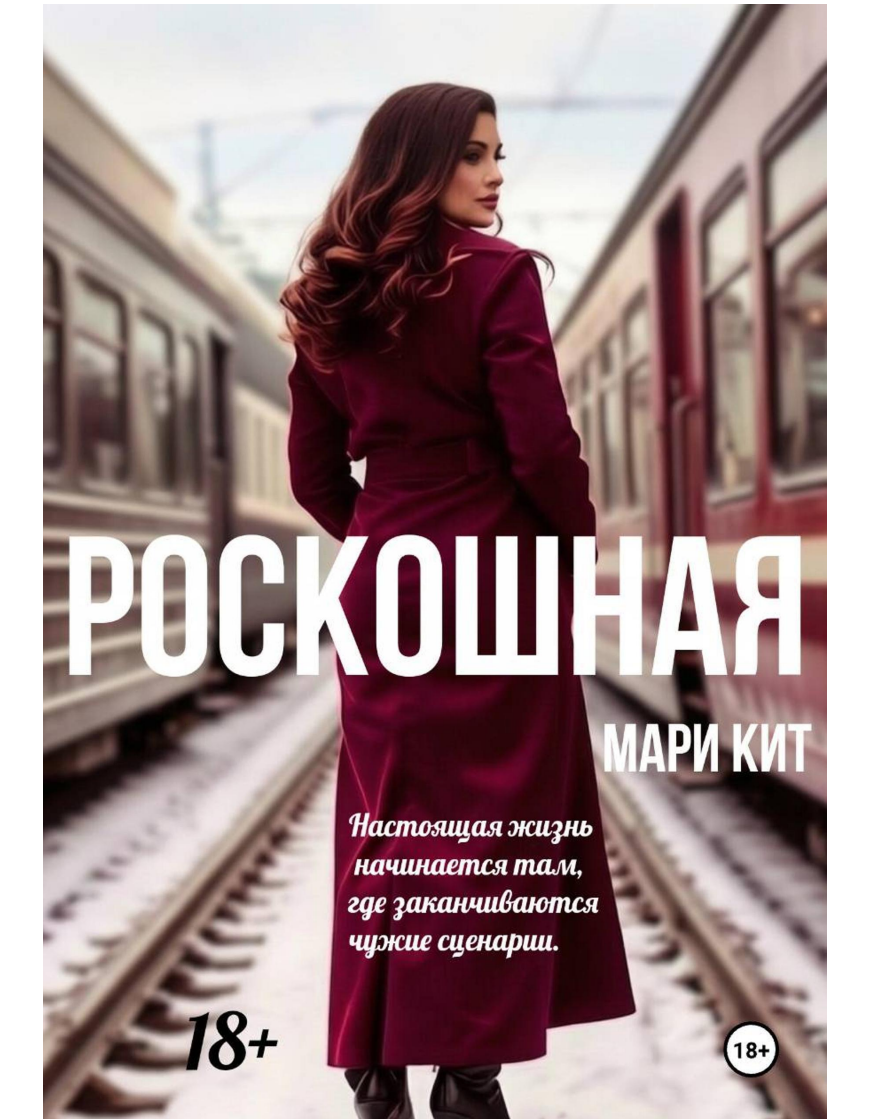

A woman with long, wavy brown hair, wearing a long maroon coat and black boots, stands on a train track. She is looking back over her shoulder towards the camera. Two trains are visible on either side of the tracks, receding into the distance. The scene is set outdoors with a clear sky.

РОСКОШНАЯ

МАРИ КИТ

*Настоящая жизнь
начинается там,
где заканчиваются
чужие сценарии.*

18+

18+

Мари Кит

Роскошная

<https://litres.ru/74296082>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что происходит, когда женщина, привыкшая всё контролировать, встречает мужчину, который видит её насквозь?

Как страх превращается в реальность, а желание — в судьбу?

И можно ли переписать свой сценарий, если ты уже потеряла всё?

Она — женщина, которая привыкла всё контролировать. Он — профессор, который случайно становится её попутчиком. Всего 34 часа в поезде — и она рассказывает ему историю, которую никогда не рассказывала никому.

От переезда в чужой город до встречи с коучем, который стал для неё больше, чем просто специалистом. От тантры до шахматных стратегий. От потери всего до возвращения к себе.

Это не просто роман о любви. Это исследование женской природы, в котором переплелись психология, физика, нейробиология, архетипы и та самая роскошная смелость — выбирать себя.

«Роскошная» — книга для тех, кто устал быть удобной, кто боится настоящей любви и хочет наконец понять, как переписать свой сценарий.

Содержание

Посвящение	4
Глава 1. Встреча	6
Глава 2. Разговор о мужчинах и женщинах	9
Глава 3. Три зеркала	12
Глава 4. Тантрическая связь	16
Глава 5. Как понять, что мужчина влюблён	19
Глава 6. Третья сторона	22
Глава 7. Рассвет	26
Глава 8. Утро	28
Глава 9. Вопрос, который меняет всё	31
Глава 10. Начало истории	33
Глава 11. Тот, кто увидел	36
Глава 12. Взгляд с другой стороны	38
Глава 13. Химия доверия	40
Глава 14. Точка невозврата	42
Глава 15. Пауза на чай	44
Глава 16. Тишина и догадки	46
Глава 17. Полгода без любви	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Мари Кит

Роскошная

Посвящение

Эта книга – художественное произведение. Все герои, диалоги и ситуации это плод воображения автора. Любое сходство с реальными людьми и событиями является вымышленным.

Роман о женщине, которая выбрала себя

Этот роман стал для меня личной терапией.

Проживая его, я заново проходила через самые серьёзные главы своей жизни.

Я перечитывала их, осмысляла, отпускала — и каждый раз находила новые ответы на вопросы, которые носила в себе годами.

Я получила огромное количество открытий — о себе, о своей боли, о своей силе.

Я посвящаю этот роман всем женщинам и мужчинам, которые боятся быть не услышанными.

Или чувствуют, что их чувства не разделяют.

Или потерялись и не знают, куда идти дальше.

Пусть эта история напомнит вам, что вы не одни.

Что даже самые успешные люди проходят через череду

жизненных потерь, разочарований и падений.

И что это — не конец.

Это — начало нового пути.

Глава 1. Встреча

Поезд мягко качнулся, набирая ход. За окном медленно поплыли огни станции, растворяясь в ночной темноте. Я сидел у окна, глядя на бегущие провода, и не сразу заметил, что в купе кто-то вошёл. Она появилась бесшумно — словно не хотела нарушать тишину, которая уже успела установиться между мной и ночью. Поставила небольшую сумку на верхнюю полку, поправила край лёгкого шарфа — и только потом села напротив. Несколько секунд она молчала, глядя в окно. Лицо её было спокойным, но в глазах — карих, глубоких, с едва заметным отсветом ночных огней — чувствовалась усталость, которую она умело прятала.

Она была красивой. Но не той красотой, которая бросается в глаза и требует внимания. Её красота была другой: она проступала постепенно, как рисунок на старой ткани, — в жестах, в голосе, в том, как она держала паузу. Волосы — краснокаштановые, с тёплым медным отливом — падали на плечи мягкими волнами, словно она только что провела по ним рукой, поправляя перед выходом. Ресницы были накрашены деликатной бордовой тушью — без лишней драматичности, но с чувством стиля. Руки без нарощенных ногтей, с аккуратной натуральной формой — это была не мода, а привычка быть собой. Она пахла пудровыми духами — негромко, чисто, как летний вечер в старом театре. Этот запах оста-

нется со мной до конца поездки. Я ещё не знал этого, но уже чувствовал. Она села напротив, поправила край шарфа, и я заметил, как её руки — спокойные, без лишней суеты — легли на колени. Она не смотрела на меня, но я чувствовал, что она знает, что я смотрю на неё.

В дверях купе появилась проводница с небольшим подносом. На нём стояли два стакана в серебристых подстаканниках, пар от горячего чая поднимался вверх, смешиваясь с запахом лимона. Рядом — маленькая тарелка с круассанами, ещё тёплыми, с золотистой корочкой, от которой исходил тонкий аромат сливочного масла. — Ваш заказ, — сказала проводница и вышла. Мари чуть заметно улыбнулась, глядя на стаканы. Она взяла один из них, поднесла к губам, и я заметил, как на мгновение она прикрыла глаза.

— Я люблю эту посуду, — сказала она тихо, глядя на подстаканник. — В ней есть что-то настоящее. Не пластик, не одноразовое. Вещь, которая пережила много поездок. Она поставила стакан на стол и посмотрела на меня. — Угощайтесь, — сказала она, чуть придвинув тарелку с круассанами ко мне. — Они ещё тёплые. Я взял один, чувствуя, как масло тает на языке, и впервые за эту поездку мне показалось, что я не просто еду в поезде — я вхожу в чью-то историю. Она отпила глоток чая, и на несколько секунд в купе воцарилась та особенная тишина, которая не давит, а наполняет

. — Вам долго ехать? — спросил я. Она повернулась ко мне, и в её улыбке мелькнуло что-то тёплое, чуть иронич-

ное. — Зависит от того, как сложится наше знакомство, — ответила она. Голос — низкий, с едва заметной хрипотцой, — был как продолжение запаха. Настоящий. Живой. Я не ожидал, что ночь в поезде начнётся с такой встречи. Я вообще не ожидал, что встречу женщину, от которой невозможно отвести взгляд. Не потому что она была яркой или вызывающей — она была ровно наоборот. В ней чувствовалась тихая, спокойная сила, которая не кричит о себе, а просто есть.

— У вас есть вопросы, которые вы не знаете, кому задать? — спросила она, чуть склонив голову. — А у вас есть ответы, которые вы не решались сказать вслух? — ответил я вопросом на вопрос. Она улыбнулась. В этой улыбке было столько тепла, что я на секунду забыл, где нахожусь. — Значит, мы будем хорошими попутчиками, — сказала она. — Я Мари. Я улыбнулся в ответ: — А меня называйте просто — Профессор. Она подняла бровь, но ничего не сказала. Только улыбнулась чуть шире. — Этого достаточно, — сказала она.

— Со случайным попутчиком разговор более открытый. Мы выйдем каждый на своей станции и просто останемся в памяти, как миг, без оценок и осуждений. Поезд качнулся на стыке рельсов. За окном снова замелькали огни.

Глава 2. Разговор о мужчинах и женщинах

Поезд мягко покачивался. За окном по-прежнему плыли огни, но я уже не смотрел на них — я смотрел на неё. — Скажите, — спросила она, чуть наклонившись вперёд, — вам интересна тема мужчин и женщин? Как они устроены, почему так сложно друг друга понять? Я улыбнулся. — Конечно интересна, — ответил я. — Это одна из самых животрепещущих тем. Вечная, живая, острая. Готов говорить о ней сколько угодно, если есть, кому слушать.

Она кивнула: — Я хочу спросить вас. Как вы думаете — правда ли, что в отношениях мужчины исполняют желания женщины? Не те, которые она говорит вслух, а те, которые она боится признать даже себе? И страхи её — тоже исполняются? Я задумался. — Сложный вопрос, — сказал я. — Но я отвечу честно. Мужчина в отношениях — это инструмент настройки. Он считывает не то, что женщина говорит. Он считывает то, что она чувствует. Если внутри неё живёт страх, что его отнимут, что он уйдёт, что она его недостойна — он бессознательно начнёт вести себя так, чтобы этот страх подтвердить. Не потому что он плохой. А потому что он — её зеркало.

— То есть, если она боится, что он уйдёт — он уйдёт?

— Да. Не всегда сразу. Но если страх остаётся внутри, он становится реальностью. Мужчина исполняет не слова. Он исполняет её внутреннее состояние. Она смотрела на меня внимательно, не отрываясь.

— А если женщина чего-то не хочет? — спросила она. — Если она не верит, что у неё может быть счастливая любовь? — Тогда у мужчины ничего не складывается, — ответил я. — Потому что он чувствует её сопротивление. Даже если она говорит «да», её тело, её взгляд, её интонация говорят «нет». И он уходит. Не потому что она плохая. А потому что она сама не впустила его. Она молчала несколько секунд.

— Я боюсь, — сказала она тихо. — Я не боюсь одиночества. Я не боюсь, что меня бросят. Я боюсь другого — что я могу встретить мужчину, с которым у меня всё получится. Что я наконец-то буду счастливой. И этот страх — он больше, чем страх неудачи. Я смотрел на неё и понимал: она только что сказала главное. — Страх быть счастливой — самый мощный страх, чтобы его преодолеть требуется большая работа — сказал я.

— Намного проще страдать. Весь наш кинематограф, музыка построены на страданиях. Это вызывает у публики больший спрос. Мы привыкли к боли как к чему-то знакомому, понятному. А счастье требует смелости. И веры в то, что ты этого достойна. — Но как это сделать? — спросила она. — Начать с того, чтобы честно признаться себе: «Я готова быть счастливой», — сказал я. — И разрешить мужчине ис-

полнить твои истинные желания. Не те, которые ты придумала из страха, а те, которые живут внутри тебя. Там, где ты — живая, настоящая, без защит. Мари задумалась. За окном снова замелькали огни.

Глава 3. Три зеркала

— Вы сказали, что мужчина в отношениях — это зеркало женщины, — начала она. — А давайте представим, что в этих отношениях не два зеркала, а три. — Три? — Да. Мужчина, женщина и любовница. Они как треугольник. Мужчина — один угол. Женщина — другой. И третье основание — любовница. И все они стоят напротив друг друга и зеркалят. Я задумался.

— И что вы хотите спросить?

— Как тогда работают эти зеркала? — сказала она. — Кто кого отзеркалит? Если женщина боится потерять мужчину, она транслирует этот страх. Мужчина его считывает и начинает вести себя так, чтобы он подтвердился. А любовница? Она же тоже что-то транслирует. Она может не бояться его потерять. Она может быть свободной, лёгкой, без обязательств. И это тоже зеркалится. И у него возникает другой образ себя. Не «муж, отец, добытчик», а «мужчина, которого хотят». — И вы думаете, что он выбирает не между двумя женщинами, а между двумя версиями себя?

— Да. Я никогда не думала об этом так. Но это правда. Он выбирает не между любовницей и женой. Он выбирает между тем, кем он становится рядом с каждой из них. И если рядом с женой он — функция, а рядом со любовницей — живой мужчина... то его выбор — это выбор между жизнью

и ролью. — Тогда вопрос не в том, кого он выберет, — сказал я. — А в том, готов ли он признать, что он сам создал этот треугольник, потому что не хотел смотреть в своё собственное зеркало. Она молчала. И я видел — Мари услышала то, что искала.

— По сути, получается, что один мужчина начинает работать на желания двух женщин, — продолжила она. — Жены и любовницы. И как тогда сложится его путь? Если в одном зеркале он просто добытчик, отец семьи — и он что-то постоянно должен, а в другом зеркале он вообще другой, будто на пятнадцать лет моложе? Я задумался, глядя в окно на ночные огни.

— С точки зрения физики — это интересный вопрос. Когда два зеркала направлены друг на друга, между ними возникает бесконечный коридор отражений. Свет отражается бесконечно, создавая иллюзию глубины. Но на самом деле это просто повторение одного и того же — каждый следующий образ становится всё бледнее, теряет чёткость. Если между ними встаёт третье зеркало, система перестаёт быть линейной. Начинается переотражение под углом. Свет искажается. — И что это значит в жизни? — Это значит, что мужчина, который находится между двумя женщинами, перестаёт видеть реальность. Он видит не их, а искажённые отражения своих ролей.

Жена показывает ему, что он обязан. Любовница — что он может быть собой. Но ни одна из них не показывает ему

его самого. Он теряет точку опоры. Он не знает, где его настоящее лицо. — А если добавить третье зеркало? — Тогда возникает замкнутая система. Свет начинает отражаться не бесконечно, а сходиться в одну точку — фокус. В этой точке может произойти всё что угодно: либо вспышка, либо затемнение, либо полное искажение образа. В жизни это может означать либо кризис, либо осознание, либо разрушение. Всё зависит от того, куда направлены зеркала. — То есть, если он не знает, на кого смотреть — он либо взорвётся, либо исчезнет? — Да. Он перестаёт существовать как целостная личность. Его энергия уходит на то, чтобы удерживать эти отражения. И в какой-то момент система перегревается. Происходит сбой. И тогда у него начинаются проблемы — не потому что женщины «плохие», а потому что сама конструкция нестабильна.

— И что тогда делать? Она спросила это тихо, и я понял: она спрашивает не только о нём. — Убрать зеркала, — сказал я. — Остановиться. Перестать смотреть на себя через чужие отражения. И спросить: «Кто я, когда рядом нет никого?» Потому что только тогда можно увидеть своё настоящее лицо. Мари долго молчала, глядя в окно. А потом повернулась ко мне, и в её взгляде было что-то новое — не вопрос, а понимание. — Значит, я правильно сделала, что когда-то вышла из этого треугольника? — Да, — ответил я. — Вы перестали быть зеркалом. И это единственный способ не потерять себя.

Глава 4. Тантрическая связь

— Профессор, — начала она, чуть наклонившись вперёд, — я всегда думала, что настоящая пара — это не просто общий дом, собака, дизайн интерьера и совместные планы. Для меня всегда было важно, чтобы между мужчиной и женщиной существовала невидимая, почти неуловимая связь. Душевная, чувствительная. Чтобы они понимали друг друга без слов. Чтобы даже в кризисах их удерживало нечто большее, чем привычка или ипотека.

— Что же это, по-вашему? — спросил я.

— Я слышала о тантрической связи давно, когда мне было чуть за двадцать. И с тех пор искала её в разных мужчинах. Я чувствовала, что она существует, но не могла найти. И только в тридцать пять — тридцать шесть я встретила мужчину, с которым это случилось. Она замолчала, глядя в окно на проплывающие в темноте огни. Когда заговорила снова, голос её звучал мягче, будто она прикасалась к чему-то сокровенному.

— Что вы думаете о тантрической связи, Профессор? Как её объясняют науки, в которых вы разбираетесь? Я откинулся на спинку сиденья, собираясь с мыслями. — Науки объясняют это довольно прозаично, — начал я. — Но от этого её магия не становится меньше.

Тантрическая связь — это синхронизация нервных си-

стем. Когда двое находятся в состоянии полного присутствия друг с другом, их сердцебиение выравнивается, дыхание становится общим, мозг начинает работать в одном ритме. Это явление называется нейрогармонией. Дофамин, окситоцин, серотонин — они выстраивают сложную химическую архитектуру, которая создаёт ощущение единства. — Значит, это не магия? — Нет, — улыбнулся я. — Это биология. Но настолько точная и тонкая, что кажется магией. Чтобы этот механизм заработал, нужно одно условие: полное доверие и отсутствие страха. Когда женщина позволяет себе быть уязвимой, её тело открывается для этого контакта. И тогда возникает то самое, что вы искали. Она слушала внимательно, почти не дыша.

А потом спросила: — А что происходит с людьми, которые пережили это? Те, кто раньше никогда не испытывал такой связи? Ведь это же не просто секс с большим количеством оргазмов. Это нечто другое. Что с ними случается? И как это усложняется, если один из них несвободен? Я посмотрел на неё долгим взглядом. — После того, как человек переживает тантрическую связь, он уже не может быть прежним. Его тело запоминает эту настройку. Он перестаёт хотеть механического секса. Он ищет глубину, присутствие, резонанс. И когда он находит это — он не хочет менять этого партнёра на другого. Потому что это не про технику. Это про состояние.

— А если у этого мужчины уже есть другой партнёр? —

спросила она. — Жена. Что тогда? Я посмотрел на неё внимательно. — Тогда наступает момент, который я называю «точкой сборки». Мужчина оказывается между двумя реальностями. В одной он — муж, отец, добытчик. В другой — живой, настоящий, чувствующий. Обе реальности существуют одновременно, и он пытается удерживать их обе. Но физика этого процесса такова: две системы не могут существовать параллельно без потерь. Энергия начинает перетекать из одной в другую. Он становится рассеянным, теряет сон, начинаются проблемы с концентрацией. Потому что организм не может поддерживать два разных гормональных фона одновременно. — И что он делает? — Обычно он замирает. Он не выбирает. Он надеется, что система решится сама. Но система не решается сама. Она требует выбора. И чем дольше он избегает этого выбора, тем больше разрушается. В какой-то момент ему придётся принять решение. Но к тому моменту он может потерять обе реальности.

Она молчала, глядя на свои руки. — А если он выбирает не ту? — Тогда он теряет доступ к той части себя, которая была живой, — сказал я. — И возвращается в свою старую роль. Но он уже знает, что там, за гранью, есть другая версия себя. И это знание не даёт ему покоя. Он либо принимает это и начинает заново строить себя внутри старых отношений, либо остаётся в разрыве навсегда.

Глава 5. Как понять, что мужчина влюблён

Она помолчала, собираясь с мыслями. Поезд мерно покачивался, и тишина в купе стала почти осязаемой. — Профессор, я хочу спросить вас вот о чём. Если между партнёрами произошёл тантрический контакт, можно ли сделать вывод, что мужчина не просто влюблён, а глубоко влюблён? И вообще — как влюбляются мужчины? Как это можно понять внешне, по виду, по мимике, по жестам? Как вот вычислить этот процесс? Мужчина действительно в тебя влюблён или нет? Я улыбнулся, откинувшись на спинку сиденья.

— Это хороший вопрос. Потому что влюблённость мужчины — это не всегда то, что он говорит. Но это всегда то, что он показывает. — То есть есть внешние признаки? — Да. И они связаны с физиологией. Когда мужчина влюбляется, его нервная система перестраивается. Уровень дофамина и норадреналина резко возрастает. Он становится более внимательным, его зрачки расширяются, когда он смотрит на объект влюблённости. Он может не осознавать этого, но его тело уже выбрало.

— Зрачки? — Да. Это один из самых точных признаков. Зрачок расширяется не только в темноте, но и при сильном интересе, возбуждении, желании. Это неконтролируе-

мый процесс. Если он смотрит на вас и его зрачки расширены — это сигнал. — А если он улыбается? — Улыбка тоже может быть разной. Есть социальная улыбка — когда задействованы только губы. И есть настоящая — когда сокращаются мышцы вокруг глаз, появляются «гусиные лапки». Это называется улыбкой Дюшенна. Она возникает непроизвольно, когда человек искренне рад. Если мужчина улыбается вам так — это знак.

— А жесты? — Жесты — это ещё один язык. Он может бессознательно копировать ваши движения: наклоняться, когда вы наклоняетесь, касаться своего лица или волос, поправлять одежду — это признак того, что он хочет вам понравиться. Если он сидит с открытой позой, не скрещивает руки и ноги — это значит, что он доверия и готовности к контакту. Она слушала внимательно, почти не дыша. — А если всё это есть — это значит, что он влюблён? — Это значит, что он сильно заинтересован, — сказал я.

— Но влюблённость — это не просто набор сигналов. Это состояние, которое меняет поведение на более глубоком уровне. Он начинает искать встречи, скучать без вас, запоминать детали, которые вы упомянули мельком. Он начинает включать вас в свои планы — даже неосознанно. — То есть влюблённый мужчина не может не показывать этого? — Он может сдерживать себя, — ответил я. — Особенно если он занят, женат или напуган. Но его тело будет выдавать его. Микродвижения, паузы, взгляды — всё это проступает,

как вода через трещины в стене. И если женщина знает, куда смотреть, она увидит это.

— А тантрический контакт — это показатель? — Это самый сильный показатель, — сказал я. — Потому что в нём участвует всё тело. Когда мужчина переживает тантрическую связь с женщиной, он не может остаться прежним. Его физиология запоминает этот уровень близости. И даже если он пытается убежать, его тело будет тянуться к той настройке. Если он не пытается её повторить — значит, это был просто опыт. Если он ищет её снова — он уже внутри глубокой влюблённости. Она смотрела в окно, и я видел, как её лицо немного смягчилось. — А если он уже в отношениях с другой? — спросила она. — Это делает его влюблённость менее настоящей? — Нет, — сказал я. — Это делает её более сложной. Он может любить жену и чувствовать глубокую привязанность к вам одновременно. Это не делает его влюблённость фальшивой.

Это делает его самого — человеком, который не готов выбирать. Но если он ищет контакта с вами снова и снова, если он не может перестать о вас думать — это не просто интерес. Это сигнал, что его тело уже выбрало. Даже если его разум ещё сопротивляется. Она долго молчала, и я чувствовал, как этот разговор касается чего-то глубоко личного. — Спасибо, Профессор, — сказала она наконец. — Это был честный ответ.

Глава 6. Третья сторона

— Давайте пофантазируем. Мы же не знаем, что происходит в семье, когда супруга узнаёт или просто наблюдает, что её муж поменялся. Ну, наверное, она это замечает. Что он стал другим, что он влюблён, что у него появилась какая-то глубокая привязанность. Она сделала паузу, словно проверяя, готов ли я слушать.

— У вас, Профессор, как у взрослого мужчины... были такие моменты в жизни, когда вы были женаты и влюблены в другую женщину? Я помолчал. Поезд мерно стучал колёсами, и тишина в купе стала почти осязаемой. — Был один раз, — сказал я. — Я был женат. И я встретил женщину, которая не была моей женой. Я не искал этого. Но когда это случилось, пришло понимание, что внутри меня что-то сдвинулось. Она посмотрела на меня с интересом. — И что случилось с женой? Она заметила?

— Она заметила, — сказал я. — Не сразу. Но она начала чувствовать, что я стал другим. Я меньше говорил, больше молчал. Мои взгляды стали куда-то уходить. Моя энергия перестала быть направлена на дом. Она не знала, что происходит, но она чувствовала, что меняется что-то важное. — И что она делала? — Сначала она пыталась меня вернуть. Стала больше внимания уделять мне, чаще спрашивать, как прошёл день. Но я отдалялся. Тогда она начала злиться. Про-

верить телефон, спрашивать, с кем я встречаюсь, почему так поздно прихожу. Она искала виноватую. Потому что ей легче было думать, что есть «та другая», чем признать, что проблема — в нас. — А вы?

— А я продолжал жить в двух реальностях, — сказал я. — Дома я был «муж, отец, добытчик». Там я был «живой человек». И я не мог выбрать. Я боялся разрушить привычное. Но и отказываться от того, что давала мне эта связь, я не мог. Она слушала внимательно, не отрываясь. — А жена осознала, что проблема не в любовнице? — Не сразу, — сказал я. — Сначала она боролась с ней. Она хотела её уничтожить, как угрозу. Но потом, спустя много времени, она поняла, что эта женщина была просто сигналом. Что-то в наших отношениях перестало работать задолго до неё. И любовница просто проявила ту трещину, которая уже существовала.

— И как поступают осознанные женщины в такой ситуации? Я задумался. — Осознанная женщина смотрит не на ту, кто вошла в её жизнь. Она смотрит на себя и на него. Она задаёт себе вопрос: «Что произошло с нами? Почему он перестал видеть себя рядом со мной? Что я перестала давать ему? Что он перестал давать мне?» Она не боится увидеть правду, даже если она болезненная.

— А неосознанная? — Неосознанная женщина объявляет войну. Она ищет врага, уничтожает его образ, пытается вернуть мужчину через давление или через жалость. Она не задаёт вопросов себе. Она хочет, чтобы всё стало «как рань-

ше». Но «как раньше» уже не вернётся. Потому что он уже изменился. Она долго молчала, глядя в окно. — А вы? — спросила она. — Вы выбрали? — Я сделал больно всем, — сказал я. — Потому что я не сделал выбора вовремя. Я затянул. И в итоге потерял обеих. Одна ушла сама. Вторая перестала ждать. Я остался в разрыве между двумя реальностями. И это было самое трудное — осознать, что я сам создал этот треугольник, потому что боялся посмотреть на себя. Она повернулась ко мне, и я увидел в её глазах не осуждение, а понимание. Что-то неуловимое, почти осторожное — как будто она заглядывала в ту часть меня, которую я сам редко показывал.

— А как вы думаете, что чувствует жена, когда видит, что мужчина уходит не в сторону, а в себя? — спросила она. — Что он перестаёт быть тем, кем был рядом с ней? — Она чувствует потерю, — сказал я. — Не его. А той версии себя, которой она была рядом с ним. И это, наверное, самое болезненное. Потому что это касается её собственного отражения. Она задумалась. — А если она не хочет этого признавать? Если она ищет виноватую? — Тогда она будет бороться с тенью, — ответил я. — И проиграет. Потому что нельзя победить то, что не является врагом. Она молчала, глядя в окно на рассвет, который только начинал заниматься за горизонтом.

— Вообще, я думаю, что каждая женщина в этой ситуации должна столкнуться с правдой, — сказал я. — Не с прав-

дой о другой женщине, а с правдой о себе. И как только она столкнётся с ней, сюжет начнёт меняться. Она поймёт, что её страхи, её реакции, её молчание — всё это тоже часть истории. И если она примет факт того, что её действия и поступки привели к определённым последствиям, она сможет сделать работу над ошибками. Если же она не столкнётся с этой правдой — она будет искать виноватых и разрушать себя в этом поиске. Она повернулась ко мне, и я увидел в её глазах что-то новое — не вопрос, а отражение.

— Это и есть осознанность? — Это начало, — сказал я. — Осознанность — это когда она не боится посмотреть на себя честно. И не бежит от того, что увидит. Она помолчала, глядя в окно на разгорающийся рассвет. А потом повернулась ко мне, и в её глазах мелькнула та самая лёгкость, которая бывает, когда человек находит ответ.

— Значит, Профессор, — сказала она, чуть приподняв бровь, — я делаю вывод, что на данный момент передо мной в купе свободный мужчина?

Я улыбнулся, чувствуя, как этот вопрос мягко переводит разговор из глубины в настоящее. — Похоже на то, — ответил я. Она улыбнулась в ответ. И в этой улыбке было что-то новое — не вопрос, не боль, не поиск, а просто присутствие. Поезд мерно покачивался, унося нас в новый день.

Глава 7. Рассвет

За окном начало светлеть. Ночь, такая длинная и плотная, постепенно таяла, уступая место серому, осторожному рассвету. Где-то вдалеке уже угадывались очертания полей и перелесков, и в этом утреннем свете было что-то нежное, почти забытое. Где-то в вагоне звякнула посуда — проводница готовилась к утреннему чаепитию. Этот звук, такой привычный и в то же время почти домашний, смешивался с лёгким постукиванием колёс.

Пахло утром — свежестью, металлом, влажным воздухом, который проникал через неплотно закрытое окно. Я вдохнул этот запах, и он напомнил мне детство, когда я стоял на перроне и смотрел, как уходит поезд. Мы говорили долго. О чём-то важном, о чём-то сокровенном. А потом наступила та особенная тишина, когда слова больше не нужны. Я смотрел в окно, чувствуя, как усталость медленно накрывает меня. Она уже сидела, откинувшись на спинку сиденья, с закрытыми глазами. Дыхание её было ровным. Я прикрыл глаза и позволил себе просто быть в этом моменте.

«Странная ночь, — подумал я. — Я вижу ее впервые. Я не знаю, куда она едет. Но она задаёт вопросы, на которые я редко отвечаю даже себе. И делает это так, что я не чувствую себя допрошенным, а услышанным». Её вопрос — про свободу — всё ещё звучал во мне. Она сказала это с лёгкой улыб-

кой, но я почувствовал, что за ним было нечто большее, чем просто кокетство. Мари проверяла меня. Или, может быть, она просто давала мне понять — что тоже свободна.

«Интересно, — думал я, — эта женщина действительно так легко отпускает тех, кто не выбирает её? Или это просто броня, за которой прячется уязвимость?» Я открыл глаза и посмотрел на неё. Светлые тени от ресниц падали на щёки. Мари выглядела беззащитной и сильной одновременно.

«Такие женщины не встречаются просто так, — подумал я. — Они появляются в нужный момент, чтобы напомнить тебе, что ты ещё жив. Что ты ещё умеешь чувствовать. Что ты ещё способен удивляться». Я откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и позволил себе уснуть, чувствуя, как поезд мягко покачивает нас в новом дне.

Глава 8. Утро

Я проснулся от того, что поезд мягко качнулся, и где-то в коридоре звякнул металлический поднос. Свет за окном был уже не серым, а золотистым — раннее утро входило в свои права. В купе пахло утренней свежестью, немного кофе и лёгким ароматом ванили — как будто кто-то уже успел заварить чай в соседнем вагоне. Я открыл глаза и увидел её. Мари сидела напротив, уже переодетая, с лёгким, только что нанесённым макияжем. Волосы были чуть влажными. От неё пахло утренней свежестью, водой и тем же пудровым оттенком духов.

— Доброе утро, Профессор, — сказала она с лёгкой улыбкой. Я моргнул, пытаюсь сориентироваться. — Вы уже успели привести себя в порядок, а я ещё не понял, где нахожусь, — сказал я, садясь и проводя рукой по лицу. — Ночь была интересной, — ответила она. — У нас время завтрака. Проводник уже начал его приносить и скоро дойдет к нам. И как приятно, что сегодня утром мой завтрак будет в такой чудесной компании. Я улыбнулся, чувствуя, как в груди разливается что-то тёплое и почти забытое. Она отпила глоток чая из стакана с серебристым подстаканником, и я заметил, как её пальцы легко касаются края металла. Мари не торопилась, просто была в этом моменте. Мы ели молча, и это молчание не было неловким. Оно было уютным — как будто не в пер-

вый раз.

Завтрак в поезде с незнакомкой пах чем-то привычным, но при этом — новым и тёплым. За окном проплывали поля, и в свете утра они казались почти живыми — золотистыми, дышащими. После ночи, полной глубины, откровенности и тонкого флирта, наступило утро с завтраком, лёгкостью и бытовой нежностью. Я смотрел на неё и думал:

«Такие женщины не завтракают с кем попало. Она выбрала меня — даже не зная, кто я. Или именно потому, что не знает».

Мари отпила глоток чая и откинулась на спинку сиденья, глядя в окно. Утренний свет мягко касался её лица, и я почувствовал себя не взрослым мужчиной, который только что рассуждал о физике и зеркалах, а почти мальчишкой — неловким, заинтересованным, немного растерянным. Я смотрел на её руки, на то, как она держала чашку, как поправляла выбившуюся прядь волос.

И внутри меня крутилась одна мысль: продолжит ли она? Будет ли она ещё говорить о себе, о своей жизни, о той истории, которую начала ночью? Или этот завтрак — точка? Или просто пауза перед тем, как она выйдет на своей станции? Я не решался спросить и ждал. Впервые за долгое время я позволил себе просто быть ведомым в разговоре. Мне хотелось, чтобы она сама решила — продолжать или остановиться, не хотел нарушать её пространство. Но внутри меня тысячи вариантов сменяли друг друга: она скажет что-то ещё, улыб-

нётся, замолчит, скажет, что устала, переведёт тему, сделает вид, что ничего не было, она посмотрит на меня так, как смотрела ночью — и я снова потеряю покой. Я сидел и ждал. И это ожидание было наполнено трепетом и любопытством. Я уже не мог быть равнодушным ни к этой женщине, ни к её истории. Я ждал, когда она начнёт говорить. Я хотел слышать её голос, её паузы, её вопросы. Все внутри меня требовало продолжения.

Глава 9. Вопрос, который меняет всё

Она допила кофе, поставила чашку на столик и посмотрела на меня тем же внимательным, изучающим взглядом, что и ночью. Только теперь в нём не было напряжённости. Было что-то более спокойное, более доверительное. За окном мелькали поля, и я заметил, как солнечный свет играет на её волосах.

— Профессор, — сказала Мари, чуть склонив голову, — а вы верите в то, что можно встретить человека один раз — и он изменит всю вашу жизнь? Я задержал дыхание. Вопрос прозвучал не как проверка. Он прозвучал как приглашение. — Раньше я думал, что это красивая метафора, — ответил я, глядя на неё. — Теперь знаю, что это правда. Некоторые люди приходят в нашу жизнь не для того, чтобы остаться. Они приходят, чтобы сдвинуть нас с места. Чтобы мы увидели то, чего раньше не замечали. Чтобы мы перестали бояться. Она молчала, но я видел — Мари внимательно меня слушает.

— А у вас был такой человек? — спросила она. — Да, — сказал я. — И я не знал этого, пока она не ушла. Мари улыбнулась. — Значит, вы знаете, о чём я говорю. — Знаю, — ответил я. — И я хочу услышать вашу историю, милая спитница.

После этих слов наступила пауза. Мари опустила глаза и начала перебирать какие-то бумаги в своей красивой сумке — необычной, с узором, напоминающим ковёр. Видно было, что она всяческим образом откладывает продолжение разговора, находя себе занятия, чтобы занять руки и мысли. — А вам нравится этот поезд? — спросила она, не поднимая глаз. — Давно едете один? До того, как я к вам присоединилась? Я улыбнулся. Понял, что она ищет отвлечение, что не готова перейти к самому сокровенному и не торопил её.

— Мне нравится этот поезд, — ответил я. — И я ехал один достаточно долго. Но, честно говоря, я рад, что теперь еду не один. Она посмотрела на меня с лёгкой улыбкой. — Я тоже рада, — и снова отвела взгляд. Поезд мягко качнулся на стыке рельсов. За окномплыли бесконечные поля, залитые утренним светом. Мари молчала. И я чувствовал — она собирается с силами, чтобы рассказать то, что действительно важно.

Глава 10. Начало истории

Она помолчала, глядя в окно на бесконечные поля, заливаемые утренним светом. А потом повернулась ко мне, и я понял — она решилась.

— В моей жизни было очень много разных направлений, проектов, партнёрств, — начала Мари. — Я работала и в найме, и как сотрудник, и собственное дело пробовала. Жизнь меня занесла в другой город. Из южной части нашей страны я переехала в центральную — в город-миллионник, где совершенно другой менталитет. У меня не было ни одного знакомого. Я переехала, чтобы открыть офис компании в другом регионе. Мне предложила заняться этим моя давняя приятельница. Переезжала я с двумя чемоданами и одной вешалкой в незнакомый город, с шестнадцатью тысячами рублей в кармане. — Я не говорю это, чтобы вы пожалели меня, Профессор. Я говорю это, чтобы вы поняли: я не боюсь начинать с нуля, верю в себя, в свои силы. И с полной верой в успех, но с большим стрессом, я начала делать новый бизнес. В незнакомом городе, без связей, без знакомых, без какой-либо помощи. Просто я и моя уверенность в том, что я смогу.

— И у вас получилось? — спросил я. — Да, у меня всё получилось, — ответила она. — Но суть не в этом. Она перевела взгляд на окно, и я понял, что сейчас она скажет то, что

не говорила вслух. — В общем, у меня появилось не сразу, но какое-то количество знакомых. И появилась девушка, с которой я сдружилась. Я была безмерно рада этому, потому что у меня наконец-то появился какой-то близкий человек в этом новом городе. Мы с ней гуляли, веселились, путешествовали, болтали обо всем ночами напролет. И как здорово, что я была не одна, что вокруг меня тоже были люди, с которыми можно поговорить, которые рядом. Не те друзья, которые остались со мной только на телефоне, а кто-то близкий в новом для меня городе.

— Она делилась со мной своей историей жизни. Непростой очень. Я понимала, что сталкиваюсь с такой с таким впервые. И удивилась тому, что ей в сложных жизненных ситуациях помогал её специалист. Коуч. Он был человеком, который мог заглянуть в самую суть, не тратя времени на лишние разговоры. Она рассказывала, как он помогал ей выходить из безвыходных ситуаций. Как он отработывал с ней негативные старые установки, как возвращал ей энергию. Я тогда подумала: «Интересно, а он так может с любым? Или это только с ней — такая глубокая работа?» — Я не собиралась к нему идти. У меня уже был свой опыт, своё мнение.

На тот момент у меня уже было резко негативное отношение к представителям этих профессий — психологам, коучам и другим специалистам. На мой взгляд, они вытаскивали проблемы и оставляли человека с ними, не решая их. А я работала и в личной терапии, и в проектах у них внут-

ри. Поэтому у меня сформировалось очень такое равнодушно-спокойное отвращение. Я знала, что к ним я больше не пойду никогда. На какое-то время она замолчала, как будто вспоминая все свои первые месяцы — очень напряжённые. Я не торопил её, просто ждал. — Но моя новая приятельница вдохновила меня своим кейсом, своими результатами, — продолжила она. — Я за ней наблюдала два месяца. И через два месяца я всё-таки записалась к нему на приём. Она перевела взгляд на меня, и в нём мелькнула та самая искра, которую я уже научился узнавать.

— Я пошла не как клиент. Я пошла как эксперт, который хочет проверить: а правда ли он так хорош, как она говорит? Я улыбнулся: — И что вы обнаружили? — Я обнаружила, что он действительно хорош, он сильно отличался от других специалистов, которых я встречала ранее. Поезд качнулся на стыке рельсов, и она снова отвела взгляд к окну.

— --

Глава 11. Тот, кто увидел

— Я видела чистый кабинет, — начала она, и голос её стал тише, словно она возвращалась в тот день. — Опрятного мужчину. Вообще не той внешности, которая вызывает у меня интерес как у женщины к мужчине. Он не подходил ни под один из моих обычных стандартов. Я смотрела на него и думала: «Ну что ж, посмотрим, что ты умеешь». У меня не было никакого ожидания, что он меня зацепит. Никакого. Я пришла как эксперт, который пришёл проверять. И он с порога... Она усмехнулась, и в этой усмешке я услышал уважение. — С порога спросил меня о травме, которую я получила в детстве- увидел это по моей походке. И я поняла: он не просто смотрит. Он видит причинно - следственные связи даже по походке.

Она сделала паузу, глядя в окно, как будто проверяла, готова ли идти дальше. — Все вычислили. Мои отношения с родителями в детстве, всё это объединилось в одну картину. Прошла консультация. А в конце, когда я уже уходила, слегка опешившая от того, что он увидел, он задал мне вопрос. — Какой? — спросил я. Она повернулась ко мне, и в её глазах мелькнула лёгкая, почти благодарная улыбка.

— Он спросил: «Мари, а с каким запросом вы ко мне приходили на консультацию?» Я ответила: «У меня был вопрос: почему я, достаточно хорошая, умная, с множеством поло-

жительных качеств, до сих пор не замужем и у меня нет детей». Она замолчала на мгновение, и я чувствовал, что этот момент был для неё поворотным.

— Тогда я поняла, — сказала она. — Он не будет давать мне готовых ответов. Он будет задавать вопросы, которые заставят меня саму искать эти ответы в себе.

Она помолчала, глядя в окно на убегающие поля. — С этого и началась моя история личных консультаций. Однозначно возникло понимание: на следующую консультацию к нему я обязательно приду.

Глава 12. Взгляд с другой стороны

Она повернулась ко мне, и в её глазах я заметил не просто интерес — а желание услышать честный ответ. — Профессор, — начала она, — а как вы вообще относитесь к коучам, психологам? К специалистам помогающих профессий? Есть ли у вас какой-то собственный опыт? Я откинулся на спинку сиденья, чувствуя, что вопрос не праздный.

— Есть, — ответил я. — И он неоднозначный. — Поделитесь, пожалуйста, — попросила она. — Я не ходил к специалистам как клиент, — ответил я. — Но много лет наблюдал за тем, как работают коллеги, с которыми пересекался по проектам. И заметил одну вещь: клиент всегда выбирает специалиста, который ему симпатичен. Либо его метод, либо его голос, либо его манера говорить. Это не случайность. Это — бессознательный выбор. Она слушала внимательно. — Мы не можем доверять специалисту, который нам не нравится, — продолжил я. — Это закон. Тело не идёт за тем, кто ему чужд.

Поэтому если женщина выбирает мужчину-специалиста, значит, внутри неё уже есть отклик. Но этот отклик — не всегда про интерес к нему как к мужчине. Чаще — про доверие, которое она искала. Про то, чтобы её увидели. Она чуть заметно кивнула.

— А если этот отклик становится чем-то большим? —

спросила она. Я посмотрел на неё долгим взглядом. — Тогда наступает самый сложный момент. Когда профессионал перестаёт быть просто специалистом — и становится человеком, который её тронул. И тогда начинается та самая тонкая грань, которую трудно удержать. — Но я знаю одно: если специалист не видит эту грань — он теряет и профессионализм, и доверие, нужно обладать большой внутренней силой, чтобы удержать баланс между рабочим и личным.

— Да, я согласна с вами, Профессор, — сказала Мари. — Когда у женщины возникает доверие к специалисту, он становится не просто частью её жизни. Если ты ходишь в терапию, на консультации, работаешь над собой — коуч или психолог становятся теми, кому мы доверяем самое сокровенное. То, чего мы не можем рассказать даже друзьям и знакомым. Потому что боимся, что нас не поймут, неправильно поймут, или наши слова пойдут дальше в массы — и мы наткнёмся на осуждение или обсуждение. Она помолчала, собираясь с мыслями. — Но с ними — ты знаешь: всё, что было в Вегасе, останется в Вегасе. Всё, что за закрытыми дверями кабинета, останется в кабинете. И этот специалист становится достаточно важной фигурой в твоей жизни. Доверие проникает глубже и глубже.

Я смотрел на неё, чувствуя, как она говорит о чём-то, что пережила сама.

Глава 13. Химия доверия

Мари замолчала, и в купе повисла та особенная тишина, когда слова уже сказаны, но их отзвук ещё не угас. Я смотрел на неё и думал о том, что она только что описала не просто процесс — она описала механизм, который работает глубже, чем мы привыкли осознавать.

— Вы знаете, Мари, — начал я, — то, что вы сказали про доверие, — это не просто психология. Это химия. И биология. И нейробиология, которая управляет нашим телом, даже когда мы не даём ей разрешения. Она подняла на меня взгляд. — Когда мы доверяем кому-то, наш мозг запускает сложный биохимический процесс. Выделяется окситоцин — гормон привязанности и безопасности. Он снижает уровень кортизола, гормона стресса, и помогает нам расслабиться.

В этом состоянии мы можем говорить о самом сокровенном, потому что тело перестает сигнализировать об опасности. Она слушала, не перебивая. — Но есть и обратная сторона, — продолжил я. — Окситоцин не различает, кому мы доверяем — специалисту или просто человеку, который вызвал наше доверие. Это универсальный механизм. И когда он запускается в безопасных условиях — он укрепляет связь.

Но если в этой связи появляется искра интереса, если этот человек становится для нас не просто «специалистом», а кем-то, кто нас тронул — в игру вступает дофамин. - Гор-

мон предвкушения.

Она чуть заметно улыбнулась. — Тогда доверие перестаёт быть просто безопасным. Оно становится глубоким. Оно начинает влиять на наши решения, на наши чувства, на наше восприятие реальности. И это уже не просто химия — это физика притяжения. Она молчала. И я чувствовал, что мои слова попали в ту точку, которую она искала. — Поэтому, — сказал я, — когда женщина идёт к специалисту и открывает ему душу — она не просто делится. Она впускает его в свою нейробиологию. И если он это понимает — он становится тем, кто не нарушит эту границу. А если он этого не чувствует — он перестаёт быть специалистом.

Мари долго смотрела на меня, а потом тихо сказала: — Вы только что объяснили мне то, что я чувствовала, но не могла назвать словами.

Глава 14. Точка невозврата

— Как думаете, Профессор, — спросила она, глядя мне прямо в глаза, — что произойдёт, если вступить в интимный контакт со своим помогающим специалистом? Я почувствовал, как вопрос повис в воздухе.

Она не спрашивала из любопытства. Она спрашивала из опыта. — С точки зрения химии, — начал я, — интимный контакт с человеком, которому мы доверяем, запускает мощнейший биохимический каскад. Окситоцин, дофамин, серотонин, эндорфины — всё это смешивается в одном моменте.

Это не просто удовольствие. Это перестройка восприятия. Тот, с кем произошёл этот контакт, становится для вас не просто человеком — он становится частью вашей нейробиологии. Она слушала, не отрываясь.

— Но если этот человек — ваш специалист, — продолжил я, — система даёт сбой. Потому что он был тем, кому вы доверяли свои уязвимости. Он знал ваши страхи, ваши слабости, ваши скрытые желания. А теперь он становится и тем, кто прикасается к вашему телу. И ваша нервная система не может отделить одно от другого. Она запоминает его как «того, кто видел всё».

— Что происходит с человеком, который пережил это? — спросила она. — Он уже не может быть прежним, — сказал я. — Его тело запоминает эту настройку. Он ищет глубину,

присутствие, резонанс. И если он потеряет этого человека — он потеряет часть себя. Часть себя настоящего, уязвимо-го, доверчивого, открытого. Она молчала, глядя в окно.

— Поэтому, — сказал я, — я думаю, что это — точка невозврата. Не потому что это «неправильно». А потому что природа не прощает такого уровня вмешательства в свою систему. Она меняет настройку. Мари повернулась ко мне, и в её глазах я увидел не вопрос, а понимание.

— Знакомо, — сказала она. — Я пережила это. Поезд мягко качнулся на стыке рельсов, и я почувствовал, что она только что открыла дверь в самую главную часть своей истории.

Глава 15. Пауза на чай

Мы сидели в тишине, которая уже не была неловкой — она была общей. Я смотрел на неё, она смотрела в окно. За стеклом проплывали поля, и солнечный свет золотил её лицо, делая его почти прозрачным. В этом свете я заметил, как её волосы — каштановые, с медным отливом — переливались, как осенние листья на солнце. Она сидела неподвижно, и я чувствовал, как её дыхание сливается с ритмом поезда. В этот момент дверь купе приоткрылась.

— Доброе утро, — раздался приветливый женский голос. — Чай, кофе? Может, что-то покрепче? Мы оба повернулись. В дверях стояла проводница — женщина лет пятидесяти с мягкой улыбкой и форменным платком, аккуратно повязанным на плечах. В руках она держала небольшой поднос с двумя серебристыми подстаканниками, в которых уже стояли горячие кружки. Запах крепкого чая с лимоном смешался с ароматом свежего хлеба, который доносился из коридора. — Ой, а вы уже организовали себе завтрак, — заметила она, кивнув на пустые чашки на столике. — Ну, тогда, может, добавки? У нас чай с бергамотом, есть и просто чёрный. Мари улыбнулась: — Да, пожалуй, я не откажусь. Мне с бергамотом.

Проводница ловко поставила кружку на подстаканник и придвинула её ближе к Мари. Металл мягко звякнул о стек-

ло. Я заметил, как красиво серебристый подстаканник отражает утренний свет — такой простой, но почти старинный элемент, который сохранился в этих поездах, как привет из другой эпохи. — А вам, мужчина? — обратилась она ко мне. — Спасибо, я тоже, — ответил я.

Проводница поставила вторую кружку, поправила край скатерти на столике и с любопытством посмотрела на нас. — Ну, как вам едет? Комфортно? У нас сегодня маршрут тихий, почти без остановок. — Очень комфортно, — сказала Мари. — У нас компания отличная. — Это главное, — улыбнулась проводница. — Когда попутчик хороший — дорога короче. Она подмигнула, поправила форменный платок и вышла, прикрыв за собой дверь. Мы остались в купе. В воздухе витал аромат бергамота, и в этом простом моменте было что-то уютное, почти забытое. Мари взяла кружку в руки, покрутила её, глядя, как свет играет на гладкой поверхности подстаканника. — Красивые, правда? — сказала она. — В них есть что-то настоящее. Я кивнул. Она сделала глоток, и я понял, что эта пауза стала ещё одной гранью нашего разговора. За окном снова замелькали поля, и я почувствовал, как внутри меня утихает возбуждение, уступая место спокойной, почти домашней тишине.

Глава 16. Тишина и догадки

Мы сидели в тишине, и я смотрел на неё. На то, как она держит кружку — пальцы тонкие, ухоженные, без лишнего лака, но с той естественной красотой, которую не создают, а просто замечают. В этом свете её кожа казалась почти прозрачной, а тени от ресниц падали на щёки, как лёгкие узоры. На её движения — плавные, мягкие, словно она не просто сидит, а течёт.

В ней было что-то от старых фильмов, от женской нежности, которая не пытается быть заметной, но оставляет след. От неё пахло пудровыми духами. Я вдохнул этот аромат, и он смешался с запахом чая и утреннего света, который уже начал золотить стены купе. Воздух был свежим, с лёгкой прохладой, и этот контраст между теплом её присутствия и утренней прохладой создавал почти осязаемое напряжение.

Я думал о том, что она рассказала. О первой встрече с ним, о его вопросе, о том, как доверие становилось глубже. И, разумеется, я не мог не задать себе вопрос: что же случилось дальше? Это был момент вспышки на их консультации, когда он не сдержался? Или она сама, чувствуя себя в безопасности, начала двигаться к ним, мягко, постепенно, пока он не заметил, что границы уже нет? А может, он был тем, кто флиртовал первым? Кто знал, на что идёт, и всё равно вёл её за собой? Я перебирал варианты. Но главное, что я

чувствовал — это не было лёгкой историей.

Эта женщина носила в себе боль. Она переваривала что-то, что до сих пор отзывалось в ней. И её вопросы — про доверие, про секс с помогающим специалистом, про точку невозврата — они не были абстрактными. Они были её картой, на которой ещё не все точки были стёрты. Она всё ещё чувствовала к нему что-то. И это «что-то» было живым. Я ждал, когда она продолжит. Я хотел знать, как это случилось. Был ли он тем, кто её обидел? Или она была той, кто ушла, оставив его с его же отражением?

— Я ещё не всё рассказала, — сказала она, будто прочитав мои мысли. — Но подхожу к самому главному. Я кивнул. И понял, что это был момент, когда она решала — говорить ли дальше, или оставить меня в своих догадках.

— --

Глава 17. Полгода без любви

— Я ходила на консультации полгода, — продолжила она, отпив глоток чая. — Где-то по две в месяц. Мы разбирали много тем. У меня хорошо бизнес начал проявляться, какие-то долги свои покрывала. В общем, в профессиональной сфере все получалось. Вокруг меня было много людей из интересных сфер. Она усмехнулась. — Но я вообще забыла про свою личную жизнь.

— И он, естественно, задаёт мне вопрос: «Мари, почему вы поставили свою личную жизнь на паузу?» Ну, любовников у меня не было. Я, конечно, говорила, что мне некогда. Что есть один парень, с которым я познакомилась, но что-то он меня не вдохновляет. Она сделала паузу, и я чувствовал, как она возвращается в тот разговор. — Мы копнули туда чуть-чуть глубже.

Пошла тема сексуальной жизни. Я считаю, что это нормально, когда даже мужчина специалист тебя об этом спрашивает. Потому что мы не приходим бесполоыми созданиями. Я не ставлю свою матку на полочку, когда захожу в кабинет. Это для всех животрепещущая тема — деньги, секс и отношения. Она посмотрела на меня с лёгкой улыбкой. — В общем, с деньгами я наладила, с бизнесом — тоже. А вот с сексом и отношениями — пока была пауза. — И он спросил, есть ли вокруг меня мужчины, которые мне нравятся,

с которыми я бы хотела вступить в сексуальные отношения, — сказала она.

— И с того момента я поняла, что помимо профессиональной сферы и бизнеса мне всё-таки нужно заниматься своей личной жизнью. Потому что хочется жить полноценной жизнью. Она улыбнулась, и в этой улыбке была лёгкая ирония над самой собой. — У меня появлялись любовники. Где-то раз в два месяца — новый. И естественно, я ему об этом рассказывала на наших консультациях. Он спрашивал: «Ну, как Вы себя чувствуете, Мари? Нравится ли Вам? Как Вы вообще его рассматриваете? Оцениваете?» Я рассказывала, что этот вариант, например, уже исчерпал себя — убираем, нужен новый. Потом рассказывала, как познакомилась с кем-то в клубе. Она усмехнулась.

— В общем, он был в курсе всей моей сексуальной жизни. Я смотрел на неё и думал о том, как интимно это звучит. Она приходила к нему не просто как к специалисту — она приходила к нему как к человеку, которому доверяла всё. И он не просто слушал — он задавал вопросы, на которые мое подсознание искало ответы.

— И что Вы чувствовали, когда рассказывали ему это? — спросил я. Она задумалась. — Сначала — лёгкость. Потому что я знала, что он не осудит. А потом — странное ощущение, что он знает обо мне больше, чем кто-либо ещё.

— Пока я ходила на консультации, моя приятельница, которая мне его рекомендовала, тоже ходила. И мы, так как

дружили, естественно, обменивались: «Как ты сходила? Как я сходила?» Ну, и были обе довольны результатами работы над собой. Она сделала паузу. — Единственное, что нас отличало друг от друга здесь: я ходила только на консультации. Мои взаимодействия с ним касались только консультаций. Пришла в девять утра — в десять тридцать ушла. И следующее моё сообщение было: «Запишите меня, когда есть ближайшее время». Она же была в личном сопровождении. Они с ним созванивались раз в два-три дня по запросу. Мари усмехнулась.

— Мне личное сопровождение не нужно было. Я спокойно справлялась с консультациями. Они были настолько интересными, что я прям спешила поделиться итогами с ней. Я ей рассказывала, что у меня было на консультациях, она мне. Я смотрел на неё, чувствуя, как эта динамика — две женщины, один специалист — создавала незримую связь, о которой она, возможно, тогда не задумывалась.

— И вы чувствовали, что она знает о вас больше, чем вы о ней? Она улыбнулась. — Нет. Я чувствовала, что мы обе знаем друг о друге больше, чем обычно делятся подруги. Потому что у нас был общий язык — наши консультации. — Моя приятельница была достаточно сексуально раскрепощена. У неё были разные опыты: и с мужчинами, и с женщинами. В общем, всё, что можно было попробовать, она попробовала. Я в этом плане была намного скромнее. У меня очень классическое представление о сексуальной жизни, и

каких-то экспериментов не было. Она усмехнулась, но в этой усмешке не было стыда — только честность.

— И на одной из консультаций мой специалист задаёт мне вопрос: «Мари, у вас есть какие-то сексуальные желания, фантазии, которые вы хотели, но не реализовали? Вы хотите выйти замуж, но переживаете. Возможно, что-то не реализовано, и в семейной жизни это может выплыть». Я слушал, чувствуя, как она входит в ту самую зону, где начинается самое личное. — Я говорю: «Да». Он спрашивает: «А почему вы их не реализовываете?» Я говорю: «Ну, как-то мне стыдно, или страшно. Как-то не по себе». А он говорит: «Давайте представим, что вы реализовали то, что хотели.

Как вы будете себя чувствовать?» Я говорю: «Ну как довольная Мари», — и назвала свою фамилию. Он говорит: «Нет. Как красотка? Как богиня? Как царица? Как королева?» Я говорю: «Нет. Мне не нравятся все эти штуки». Он спрашивает: «А как кто?» -- «Как Клеопатра», ответила я.

Мари посмотрела на меня с лёгкой улыбкой. — Он ошалел. Я улыбнулся в ответ, но внутри меня этот ответ задел глубже, чем я готов был признать: «Красотка — та, кто нравится. Богиня — та, кому поклоняются. Королева — та, кто правит. А Клеопатра — та, кто выбирает и управляет. Которая не ждёт, что её заметят. Которая сама решает, кто войдет в её жизнь, а кто останется за дверью. И она не спрашивает разрешения. Она просто знает, чего хочет». — Я понимаю его, — сказал я. — Это не просто ответ. Это заявка. — Да,

— сказала она. — Я тогда не знала, что это изменит все мое представление о самой себе. Она перевела взгляд на окно, и я понял, что этот разговор ещё не закончен. Но пауза была нужна — ей, чтобы собраться, мне — чтобы осознать, что я только что услышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.